

Дан Берг

Диалоги о камнях

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1

Весь сотворенный Господом мир – люди, небеса, реки, поля, горы, камни, песчинки – знает о стоящем на берегу Днепра маленьком городке Божине. Всесветной известностью местечко сие обязано скромному своему жителю, хасидскому цадику раби Якову. Чудные сказки, что рассказывали друг другу раби и его верные хасиды, разошлись по пределам земли от края до края и поныне звучат в устах и будоражат умы. В добрых историях со счастливым концом заключена вера в лучшее будущее.

Неизменные посиделки собирались в доме раби на исходе святой субботы. В прочие дни недели хасидам бывало не до сказок: тяжело трудились бедняки, добывая скудный хлеб насущный.

Раби Яков старился, прихварывал, но каждонедельные праздники небылиц и былей не отменялись, Боже сохрани. В будни, если недомогал цадик, то сидел дома, и присматривала за ним драгоценная его супруга Голда. Дети выросли, у каждого свой домашний очаг и забот полон рот, не сглазить бы, и к отцу с матерью навевывались они, как заведено в хороших семьях, раз в неделю, дабы вместе встретить субботу. Хуже всякого недуга одолевало раби безделье в четырех стенах, ибо привык он бывать на людях и утешать, ободрять, поздравлять, шутить, поучать – смотря по обстоятельствам. Несносен человеку покой, что взамен страстей и дел – вот-вот тоска заглянет в душу.

На дворе стоял блеклый серый день, холодный ветер поздней осени пробирал до нутра, а тепло от печи в горнице никак не унимало ломоту в немолодых костях. Занедужившего цадика навестил любимый его ученик Шломо. Гость явился не один. Его сопровождал молодой хасид Шмулик. Накануне вечером приверженцы раби наслаждались сказками своего учителя, но ночью великий рассказчик почувствовал упадок сил. Неунывающая Голда взялась вылечить мужа за три дня.

Напомним читателям, что хасид средних лет Шломо провел молодость в Европе и набрался там вольнодумных идей, которые, порой, не мерились хасидским аршином. Однако, раби Яков любил ученика за острый ум и лишние знания. В молодости Шломо получил неплохое наследство и теперь не изнурял себя, как бедняк, тяжким трудом, но употреблял время на познание Торы и мира вне ее.

Шмулик, светлая голова, тот самый, что служил счетоводом и не нуждался в записях, держа все вычисления в памяти, имел много свободных от должности часов и зачастую сопровождал Шломо в его путешествиях по просторам непознанных тайн. Повелитель цифр нашел родственную душу в старшем товарище, тянулся к нему и был достойным партнером в его мысленных экспериментах.

Надо ли говорить, как обрадовался гостям раби Яков! Он отбросил одеяло, спустил ноги с кровати и потянулся за капотом, желая достойно выглядеть в глазах визитеров. Голда тут же вмешалась и остановила преждевременный порыв мужа. “Полезай обратно в постель! – строго произнесла она, - ты воспитал чуткую молодежь, и ученики простят наставника в минуту его

слабости. Поправься сперва!” Шломо и Шмулик поддержали Голду, и цадик покорно вернулся под одеяло.

2

- Я скучаю без моих хасидов, - пожаловался раби Яков, - расскажите, друзья, чем дышит община? Придвигайте лавку к кровати и садитесь!

- Боюсь, сегодня я не смогу ответить на твой вопрос, учитель, - вымолвил Шломо, усаживаясь сам и приглашая Шмулика занять место рядом, - сегодняшнее утро я посвятил прогулке вдоль реки, созерцая берега и углубленно размышляя о весьма важных вещах.

- А я час тому назад возвращался из конторы, - сказал Шмулик, - увидел погруженного в мысли Шломо, мы разговорились и решили навестить тебя, раби.

- Похвальное решение. Права Голда: я воспитал чуткую молодежь! Я счастлив буду узнать, о чем ты размышлял, Шломо, и о чем вы беседовали, молодые мои друзья!

Услыхав сии мужнины речи, Голда сделала для себя два привычных вывода. Во-первых, праздная беседа затянется надолго, и она успеет довязать шарф для старшего внука, а, во-вторых, надо позаботиться об ужине. Она направилась к печи, по пути прогнала нахально развалившуюся на кухонном столе кошку, выпроводила в сени кур, подбиравших с полу невидимые ей крошки, подбросила дров, поставила на огонь большой горшок с водой и принялась нарезать овощи для супа. Ожидая, пока варево будет готово, она уселась поудобней и принялась за вязание. Краем уха прислушивалась к мужским голосам.

- Какую думку гадал неугомонный ученик мой, и что зрело око его, пока бродил он берегом Днепра? – повторил вопрос раби Яков и уставился на Шломо в полной уверенности, что услышит нечто неожиданное.

- Око мое созерцало разбросанные вдоль русла и открытые холодному ветру камни. Большие и малые, серые и черные, гладкие и шершавые, мрачные и немые. В голове моей ветвилась думушка о думе. Вернее сказать, о мысли. А еще вернее – об умении мыслить.

- Мне известна твоя, Шломо, страсть говорить загадками. Я терпеливо жду немудреной отгадки.

- Раби, на сей раз дело мудреное, - вступил в разговор Шмулик, - мы успели перекинуться со Шломо несколькими словами. Он сам поведает обо всем. Глубина и новизна идеи поразят нас!

- Раби Яков! Учитель, цадик и мудрец! – торжественно произнес Шломо, - я совершил открытие в науке!

- Шломо, я человек простой веры, и не понимаю, что это значит – открытие в науке? Разве безбожники-ученые еще не успели объесть все плоды с дерева познания?

- Я – первый ценитель твоих колкостей, наставник. Я усматриваю в них поощрение.

- Будет тебе, Шломо. Рассказывай, что за вклад ты внес в гнездилище нечестивых знаний?

- Не только сегодняшним утром наблюдал я утесы, валуны, голыши. Давно занимают меня эти немые чада природы. И вот, раби, их тайна открылась мне. Начну с итога: “Камни мыслят!”

- Боже мой! – схватился за голову цадик, - камни мыслят? Камни вопиют!

- И бревна деревянные из стен отвечают им! – выкрикнула с другого конца горницы Голда, успев незаметно для Шломо покрутить пальцем у виска.

- Ах, Голда, пророк имел в виду нечто совершенно иное, - снисходительно заметил Шломо.

- Камни способны мыслить! О, это настоящий прорыв в познании мира Божьего! – восторженно воскликнул Шмулик, - я слышал прежде и даже читал, что существуют ходячие камни. Они топают по раскаленной солнцем земле и оставляют за собою следы. Более того, некоторые из них могут даже взлетать вверх и сидеть на ветвях деревьев бесконечно долгое время. И вот теперь наш Шломо сообщил человечеству, что камни могут мыслить!

- Дорогой Шмулик, - печальным голосом произнес Шломо и дружески потрепал по плечу молодого хасида, - прошу тебя, постарайся поскорей забыть все читанное тобою о чудесных камнях. Недобросовестные невежды пишут для невежд доверчивых. Еще и пришельцев с луны приплетут к доказательству своих измышлений. Фальшивые знания не для твоей ясной головы!

- Именно от тебя, Шломо, я рад слышать, что и среди всезнаек бездуховных встречаются шарлатаны! – заявил цадик.

- Честность – пробный камень науки! – гордо заявил Шломо.

- И он тоже мыслит... – пропищала из своего угла Голда, но ее не услышали.

- Хотелось бы узнать подробности об основаниях и о следствиях великих твоих изысканий, - заметил раби, скрывая за иронией интерес к новизне.

- Я ждал этого приглашения. Итак, я начинаю. Камни мыслят и камни умеют передавать мысли друг другу. Но это далеко не всё. Они воспринимают мысли людей! Камням безразлично какой язык звучит – ведь они не слышат слов, зато понимают смысл их. А нас с вами Господь не наделил таким талантом, и мы не только не знаем, о чем думают камни, но и помыслы друзей и врагов нам неведомы!

- Наполовину согласен, - сказал раби Яков, - о чем твои булыжники задумываются я не знаю, зато какие мысли под штреймелями роятся – в этом я кое-что кумекаю!

- Раби, ты проникательно толкуешь слова и поступки, а Шломо говорит о прочтении самой мысли! – смело заметил Шмулик.

- Случаются и совпадения... – пробурчала Голда.

- Спасибо, Шмулик, - бросил Шломо.

- Выходит, в присутствии камней нам следует остерегаться и трижды подумать, прежде чем подумать? - любопытно спросил раби, стараясь сохранять серьезную мину на лице.

- Отнюдь! – возразил Шломо, - ведь камни безвредны для людей! Они не имеют воли и не способны ни к каким телесным действиям. Скажу вам больше, друзья. Они не слышат, не видят, не осязают, не знают ни тьмы, ни света, ни тепла, ни холода, ни боли плоти, ни вкуса, ни запаха. Но камни мыслят и передают свои и читают чужие мысли!

- Дорогой Шломо, - не сдержавшись и в полный голос спросила Голда, - по твоим словам выходит, что нам не дано понимать каменные думы, так откуда же ты взял свои небылицы?

- Почтенная Голда, - ответил Шломо, - я непременно назову источник откровения, но позже. Пока прошу принять мои слова на веру.

- Продолжай, дружище, - ободрил рассказчика раби и с укоризной глянул на нетерпеливую супругу.

- Мысли камней – это их язык. Как люди общаются посредством языка, так камни беседуют мыслями. Свойство это камням дано природой, - сказал Шломо.

- Однако, человек не от природы умеет говорить. Ребенок научивается постепенно. В этом есть несходство, - заметил Шмулик.

- Сходство полное, - возразил Шломо, - ведь дитя познает слова лишь потому, что есть в нем прирожденная пригодность к этому. Вот и камни мыслят благодаря дару небесному.

- Откуда взял ты, что язык наш – талант самородный? - спросил раби Яков.

- Я сам до этого дошел. Со временем наука подтвердит, - заверил Шломо.

- Небось, найдется за океаном умник из наших! – провидчески добавила Голда.

- Туманно, однако, - глубокомысленно произнес цадик, - если камни не видят, не слышат и вообще ничего не ощущают, то о чем же им мыслить?

- Прекрасный вопрос! Я непременно отвечу на него в другой раз. Сейчас добавлю лишь, что камни хоть и не ощущают, но чувства есть у них. Яков, ты, кажется недомогаешь и устал. Продолжим завтра. Нам пора, Шмулик.

- Никуда вы не пойдете, не поевши моего супу. Живо омойте руки, и к столу! – воскликнула Голда.

Мужчины охотно подчинились. Утоливши голод, договорились возобновить беседу на следующий день.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

1

Сделанное хасидом Шломо открытие в науке изрядно взволновало раби Якова. Цадик верил и не верил. Даже если идея о мыслящих камнях есть всего лишь мистификация – Шломо имел слабость к этому жанру изобретательства – тем не менее высказанное воззрение показалось Якову перспективным – пусть не практически, зато умозрительно. Новые открытия не обладают ценностью, если не находят себе применения. Наш случай – совсем другое дело. Цадик опытным взором книжника разглядел в концепции ученика талмудический потенциал.

Ночью Яков пытался обсуждать проблему с Голдой, но та, просыпаясь, не соглашалась вести беседу в неурочный час. Она приготавливала целебное питье, которое муж послушно принимал вовнутрь. К утру раби Яков почувствовал себя много лучше. Он надел капот, умылся и после свершения предписываемых заповедями процедур уселся на кровати и принялся ждать прихода гостей. Вскоре появились Шломо и Шмулик.

- Ты встал на путь выздоровления, учитель! – торжественно промолвил Шломо в качестве приветствия, - мы со Шмуликом искренне рады!

- Все за стол! – скомандовала Голда, - подкрепимся пшенной кашей и молоком. Якову не терпится продолжить разговоры о камнях.

Опустошивши горшок с кашей и кринку с молоком, хозяева и гости предались получасовому отдыху. Иными словами, Голда мыла в корыте миски, ложки и кружки, а мужчины терпеливо дожидались, когда она окончит неизбежное и присоединится к ним. Наконец, беседа возобновилась.

2

- Какой величины встречаются камни? – начал Шломо с вопроса самому себе и тут же ответил на него, - всякие, от велика до мала: горы, утесы, валуны, гальки и, наконец, малые песчинки. Камни не могут соединяться или увеличиваться, они только размельчаются. Происходит это редко и не по их желанию, а по воле внешних действий и природных катаклизмов.

- Это нам и так известно, прекрасный Шломо, - перебил рассказчика раби Яков, - а скажи-ка лучше, неужели все они, что горы, что песчинки – предаются размышлениям?

- Разумеется! – вставил слово Шмулик, которого Шломо несколько просветил по дороге к учителю, - при этом сила мысли камня тем больше, чем он крупнее. У скалы она велика, у осколка – мала.

- Я перестаю понимать умные речи современной молодежи, - с досадой заявила Голда, - например, ты, Шмулик, не сочти за попрек, положил отменный кусок сливочного масла в свою кашу, чтоб ты был здоров, и очистил миску образцово, видно, хотел мне мытье облегчить, а вот объяснить дело толком не можешь! Что это за неслыханная сила такая – сила мысли?

- Немного терпения, Голда! – вступился за юношу раби Яков, - я думаю, чем больше камень, тем дальше его мысли распространяются. Это и есть сила мысли. Правильно я соображаю? – спросил цадик и поглядел на гостей.

- Совершенно верно, учитель! – воскликнул Шломо, - мысли горы летят далеко, и другие горы и с ними камни поменьше на огромном пространстве знают, о чем думает великан и внемлют ему. А мысли песчинки разве что товарка-соседка разберет!

- Выходит, чем больше камень, тем он умнее? – спросила Голда.

- Э-э-э, Голда, дело много сложнее, чем может показаться на первый взгляд, - возразил Шломо, - нельзя забывать, что камни-то – они все одних лет, хоть и разного размера. Галька, которая прошла путь от горы через скалу и валун до своей малости, возможно, больше испытала и познала в жизни, чем вздымающаяся до небес вершина.

- Прямо, как среди людей! – задумчиво проговорил Шмулик, - порой, у человека незаметного голова здорово варит, а который всем виден издалека – глуп, как пробка.

- Замечу, однако, - сказал Шломо, - что меж камнями и людьми мало сходства, хоть те и другие мыслят. Камни не могут передвигаться по своей воле и вообще не способны ни к каким действиям. Поэтому живут они замкнутыми общинами, разделенными морями, полями и лесами. Даже у самых высоких гор не достает силы мысли, чтобы преодолеть слишком большие

пространства. Много таких каменных разобщенных мирков на земле. Закозневших, застывших, закаменелых.

- О, это мне кое-что напоминает, - проворчал цадик, - общины разбросаны, и кто в лес, кто по дрова...

- Намек твой, раби, ясен и прозрачен, но все же различия интереснее сходств, - заметил Шломо, - камни, как я говорил вчера, понимают человеческие думы. Мысли камней не доступны людям, зато последние перемещаются по своему желанию. С появлением на земле сынов Адама, камни, воспринимая мысли пришельцев, начали узнавать от них о своих собратях в других краях. Лишенные способности ощущать, камни научились пользоваться ощущениями людей. Умственные горизонты каменных общин раздвинулись.

- Минутку, Шломо! – тревожно вскричал престарелый цадик, - поясни-ка, что это значит: “с появлением на земле сынов Адама, камни, воспринимая мысли пришельцев, начали узнавать...” и так далее? Всех дней Творения было шесть! Меньше недели! Это срок для перемен? Или, по твоему, камни существовали до Творения? Объяснись-ка, дружок!

3

Шломо смутился. Непоросшие бородой части щек покраснели. Глаза забегали, встретили строгий взор Голды, ободряющий взгляд Шмулика и, наконец, застыли, вперившись в неодобрительно-вопросительное лицо раби Якова.

- Видишь ли учитель, - робко и заикаясь вымолвил Шломо, - сделанное мною открытие в науке предполагает допущение отвлеченной возможности существования камней задолго до дней Творения. Путь к познанию тернист...

- Лишь бы не крив был сей путь! – сурово перебил цадик, - уж не заделался ли ты отступником, хасид? “Допущение отвлеченной возможности существования...” – ишь, накрутил как! Продолжай, однако, да возьми назад камень подозрения, что швырнул ты в душу мою!

- Я постараюсь, но прошу терпения!

- Хорошо, я готов, - скрепя сердце согласился цадик.

Теперь Шломо вполне осознал великость противостояния столкнувшихся доктрин. Однако, истина, даже если она потрясла устои, даже если она гипотетическая и ради красного словца с языка сорвалась, слишком дорога сердцу его, чтобы трусливо отступить от нее. И с открытым забралом продолжил он речь свою.

- Сейчас, раби, я попытаюсь ответить на резонный твой вопрос, который ты давеча задал мне: “О чем могут думать камни, коли у них, говоря по-ученому, нет органов чувств?” Начальный и главный пункт моего ответа состоит в том, что они осведомлены о внешнем мире и о собственном пребывании в нем. Поскольку камни наделены способностью думать и обмениваться думами, им не нужны глаза и уши, чтобы сознавать существование свое и ближних, ибо каждый камень понимает: “Я мыслю, значит существую, я воспринимаю чужие мысли, стало быть есть у меня собратья по разуму!”

- Это не из Писания взято, - проворчал цадик.

- Зато как очаровательно просто! – воскликнул Шмулик.

- Проще пареной репы! – добавила Голда и подумала, что репа этим летом уродилась на славу, и не худо бы порадовать хасидов запеканкой.

- Прошу не отвлекать нашего умника, - строго произнес цадик, придавая лицу каменное выражение в духе предмета беседы.

- Итак, - продолжил умник, - обмениваясь думами, камни воспроизводят в мыслях собственную историю, разбирают факты из жизни соседей, исследуют практику общины. Хочу обратить внимание благодарных слушателей на то важное обстоятельство, что камни, не имея возможности созерцать пространство и собственную величину, тем не менее косвенно сознают и то и другое, благодаря различию в силе мысли. Об этом мы уже кое-что знаем. Время же камни воспринимают, как естественную среду своего обитания – ведь факт появления новых мыслей есть свидетельство течения времени, не так ли?

- Шломо, будь добр, вернись к теме Творения, - попросил цадик.

- Я понимаю твое беспокойство, учитель, но, увы, на данный момент у меня не достает знаний, чтобы его рассеять. Могу лишь утверждать, что камни существовали всегда, а, точнее, с неведомых нам времен, тогда как человек сотворен Господом в обозримом прошлом. Примирение сих двух посылов ждет своего толкователя.

- Возможно, ты и прав: наберемся терпения, ибо поспешный суд – суд глупца, - уступчиво произнес раби Яков, - и все же о чем думают камни?

- О многом, раби, - продолжил Шломо, - с появлением людей камни узнали о других мирах на небесах, о луне и звездах, например. Им стало известно, что и в том недостижимом далеке живут их соплеменники. Здесь, на земле, камни выдвигают учения, обсуждают воззрения, строят догадки. Один породит идею, другой подхватит, третий оспорит и так далее. И все это – мысленно!

- О, как здорово! – восхитился Шмулик, - я обожаю глядеть на звезды, думать о жизни тамошних людей. Может, и мои мысли дошли до камней? Как жаль, что мне не дано узнать это! Вот бы полететь на какую-нибудь звезду! Я бы взял с собой наши земные камни – пусть познакомятся с родичами небесными!

“Бедная мать! Овдовела несчастная, в одиночку растила сына, надежду и опору себе, а вышел из парня умный дурак, - подумала Голда, - камни в голове у него!” Справедливости ради заметим, что ошибалась жена цадика, видно, забыла некогда рассказанную мужем сказку о двух взглядах на звезды. Шмулик-то путешествием оказался: женился, деток породил и осчастливил мамашу внуками. А разве плохо, что странный он немного? От чудачеств до гениальности один шаг!

- Так вот и течет жизнь камней, - продолжал Шломо, - чувства свои они выражать не могут, зато умеют превращать их в мысленную форму, обмениваются собственными соображениями, “обсуждают” мысли людей, накапливают знания, делятся сплетнями. Им не чужды тщеславие и честолюбие – каждый камень желает превзойти умом соседа, и каждая гора мечтает о подобающем почете. Впрочем, стоя на одной ноге невозможно рассказать об огромном многообразии их мыслей. Лучше посвятить этому отдельную беседу. Люди боятся времени, а время боится камней. Бесконечный в прошлом и будущем, духовный мир их – полная чаша и обогащается неуклонно!

- Ты заразил меня своим воодушевлением, Шломо, - изрек цадик, - я чуть было не сказал, будто камни есть немые пращуры духа, да вспомнил о днях Творения, и воздержался от скоропалительных слов и тебя призываю к осмотрительности.

- О, раби, я так согласен с тобою! – воскликнул Шломо, - осмотрительность – первейшая заповедь в поиске истины. Я по крупицам добываю знания из руды фактов и держусь твоего правила: суд поспешный – суд глупца.

- Любопытно, каким образом камни, неспособные производить никаких действий, хранят плоды размышлений? Ведь очевидно, что письменности-то у них нет! – поинтересовался Шмулик.

- Твой вопрос напомнил мне об одной важной вещи, мною упущенной, - ответил Шломо, - камням не нужны чернила, бумага, книги. Свои умственные достижения они держат в памяти. Как в древности люди выдумали должность писца для записи событий, так, для хранения мыслей в веках камни назначили из своей среды самых памятливых, назвав их “памятниками”.

- Я на своей бухгалтерской службе тоже не нуждаюсь в записях, я все цифры держу в голове, - воскликнул Шмулик, - родись я камнем, непременно стал бы памятником!

- А я чем хуже? Хоть и стар, а голова отменная, - похвастался раби Яков, - тысячи сказок вмещает. Талмуд почти наизусть знаю – в любое место пальцем ткни – продолжу по памяти!

- У камней тоже есть свои сказки и даже стихи. Памятники передают их взрослым и детям! – радостно сообщил Шломо.

- А вот, к слову о взрослых и детях, - напомнила о себе Голда, - есть семьи у камней?

- Есть семьи у камней! - подтвердил Шломо, - но только у них не все, как у людей. Нет в каменной среде индивидов женского и мужского пола...

- Стало быть, и неравенства женщин и мужчин нет! – перебила Голда.

- Лучше того: им и борьба за равенство ни к чему! – подхватил Шломо, - а семья у камней – это не муж, жена и дети, а поколения – родители, дети, внуки и так далее.

- Если нет мужчин и женщин, и все они на один манер, значит и любви меж ними нет, и вместо сердца у них – камни! – огорчилась супруга цадика.

- Есть меж камнями любовь, Голда! Кристально чистая, незамутненная похотью!

“Незамутненная похотью! Еще один чудик беспорочный. Ох уж мне эти хасиды, дай им Бог здоровья!” – подумала Голда.

На несколько минут воцарилось молчание. Раби Яков не вполне оправился от болезни, и чуткий глаз Шломо приметил, что учитель устал. Пора прощаться.

- Как вы поняли, дорогие слушатели, - сказал Шломо, вставши со скамьи, - камни бессильны изменить свою судьбу, но несчастными они себя отнюдь не считают. Есть в их существовании примечательное отличие от человеческого бытия – они живут вечно, другими словами, не умирают. Чрезвычайным следствием этой их особенности мы посвятим следующую беседу.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

1

Дом раби Якова самый радушный и хлебосольный в городе. Хозяева неизменно и искренне радуются как гостям, так и щедрым их приношениям. Эдак уж ведется в добром хасидском братстве Божиана: угощаешься у цадика кушаньями да байками – и с собой носи такую же материю!

На третий день диалогов о камнях визитеры пришли порознь. Первым явился Шмулик. В правой руке он держал баул.

- Принимай, Голда! – сказал Шмулик, открывая крышку, из под которой торчала солома.

- Сколько тут? – деловито осведомилась жена цадика, заглянувши в баул.

- Три дюжины! Все целы?

- Вроде, все. Яйца-то ведь не камни – хоть и не мыслят, а деликатного отношения к себе требуют. Молодец, ни одного не разбил. Спасибо, Шмулик. Садись, отдохни пока.

Голда аккуратно переложила гостинец в плетенку и убрала в чулан. Подумала, мол, как соберутся на семейную субботнюю трапезу дочери и сыновья со своими половинами да малышней, она выставит на стол глубокую миску с горой крутых яиц. Уважение к этому немудреному блюду Голда и Яков привили своим отпрыскам с детства, а те передали эстафету дальше.

- Кто там? – услышав стук в дверь крикнула Голда и, не дожидаясь ответа, отодвинула щеколду.

- Это я! - с некоторым апломбом произнес Шломо, - входя в дом и ставя перед собою накрытую белой тряпицей корзину, - принимай, Голда! Я только от резника.

- Отличный гусь, большой, жирный! – промолвила хозяйка и отпихнула ногой откуда ни возьмись появившуюся кошку, - будь добр, Шломо, убери птичку в подпол, пусть подождет своего часа на холоду.

Как человек тактичный, Голда не подала виду, что обрадовалась подношению Шломо больше, чем подарку Шмулика. Что яйца – сварил да и съел! А от гуся польза и долговременная и скоротечная. Накопишь побольше пера и пуха – вот тебе и одеяло с подушкой. Раби Яков очиняет перья и пишет ими. Общеизвестно, что мясо сей птицы самое вкусное.

Фаршированную мукой и гусиным салом шейку – настоящее чудо кулинарии – Голда делит между внуками. Зато шкварки, плавающие в шмальце, достаются дедушке с бабушкой. Это лакомство намазывается на свежую булку, щедро солится и посыпается сверху мелко порубленным укропом. Старики сосредоточенно жуют и благодарят Бога, что сохранил им до преклонных лет аппетит и зубы.

Голда сама выпекает булки. Форма у них продолговатая, низ плоский, а верх горбится. Яков отрезает половину булки поперек, а затем режет вдоль. Нижнюю часть он берет себе, а горбушку отдает жене. Он тоже любит верх, но из благородства не признается в этом. Великодушие готово даже на крупные жертвы.

В те давние времена холестерин не был известен не только врачам, но даже и хасидским цадикам. Не диво, что в старину еда приносила людям больше радости, чем нынче. Когда не знаешь об опасности, то и бояться нечего, а без страха жить хорошо! Впрочем, об этом речь впереди.

2

В день третий раби Яков чувствовал себя вполне здоровым. Вчетвером уселись за стол. Все свои, как одна семья, и Голда вполне может пребывать в мужском обществе, тем более, что при муже она.

- Вернемся к нашим камням! – объявил цадик.

- Я продолжаю, - откашлявшись сказал Шломо, - теперь, когда мы выяснили, что камни мыслят, поговорим об особенностях их бытия. Горы, утесы, скалы, валуны, гальки, песчинки – все представители сего безмолвного племени – живут вечно! Иными словами, дробясь и, порой, уменьшаясь в размерах, они, тем не менее, не теряют способности думать, а, значит, не умирают.

- К обитателям древнего города Луз, что описан в наших Святых Книгах - вспомнил раби, - не приходил ангел смерти, и они не умирали. Века бесконечного долгоденствия нестерпимо изнуряли бедных старцев, и они покидали городские стены, дабы снять с себя тяжкое ярмо жизни и отдать душу Господу. Вот я и говорю: “Несчастливые бессмертные камни!”

- Замечу, раби, - вступил в разговор Шмулик, - что у лузитян была, прошу прощения за ученое слово, альтернатива, которой нет у камней. Выбор – что развилка на дороге. Разные пути сличая, в каждом найдем худое и доброе, и сделать предпочтение мучительно. Прямая же тропа избавляет от пытки сравнения, она единственная, и резонно считать ее правильной.

- Bravo, Шмулик! – воскликнул Шломо, - я слышу речь зрелого мужа, хоть и небезупречна она.

- Совсем небезупречна! – вставила слово Голда, - вот захочу и с не меньшим резонансом неправильной ее назову, эту самую тропу!

- Ты хоть и верно судишь, Голда, но возвращаешь нас к альтернативе, - возразил Шмулик, - а нам, хасидам, выбор без надобности: будем зреть хорошее – и точка!

- Я отвечу тебе, молодой человек, без ученых слов, - обиженно заявила Голда, - точка твоя – самообманка!

- Хватит спорить, стар и млад, вы отклонились от темы, - крикнул цадик, сердито хлопнув ладонью по столу, - продолжай-ка Шломо.

- Не могу согласиться с тобой, раби, будто вечная жизнь камней – их несчастье. Сказано в Писании, что природа человека плоха с молодых ногтей его. Лжива она. Лицемерие пропитало всякий закуток человеческой души, как жир пронизал каждое волокно гусиной плоти. Если плачутся лузитяне, не фальшивы ли жалобы их? Зато камни знают, что не умрут, и потому жизнь их свободна!

- Не слишком ли ты крут в суждениях, ученик мой? К тому же камни-то не шевелятся по своей воле, не видят, не слышат, не говорят! В чем же свобода их? Поясни! – потребовал цадик.

- С удовольствием! – откликнулся Шломо, - не в пример человеку, камень не знает страха смерти – худшего зла в мире. Страх есть рабство. Над кем не довлеет он – тот свободен, и обратное справедливо. Полагая себя вольными, люди заблуждаются. Невежество – их лучший утешитель: не зная зла, они не страшатся его, и потому свободны, но мнимо. Истинная же свобода происходит не от неведения зла, а от отсутствия его. Вечная жизнь камней – их благодать, смертность человека – его проклятие.

- Речи твои, Шломо, витиеваты и требуют размышлений, - задумчиво произнес цадик, - какие-то нехасидские они и родят во мне протест, еще неосмысленный вполне. Пока вернусь к умствованиям Шмулика. Как мы слышали от самого молодого из нас, мол, сличая разные пути, в каждом найдем худое и доброе. Если верно это, значит и в славном бессмертии камней есть нечто плохое?

- Шмулик справедливо высказался в том смысле, что зло недурно уживается с добром, - сказал Шломо, - и вот пример: поскольку камни избавлены от страха смерти, им не нужны затеи с потусторонним миром и с бессмертной душой, и по той же причине не требуется им Бог. Разве похвально сие? Камни не верой живут, а надеждой. Счастье или горе камня могут продолжаться бесконечно долго. Пусть не в силах он изменить судьбу свою, зато упование на добрые перемены всегда основательно в бесконечной череде лет! Это великолепно, но есть и заковыка: ежели не существует у камней ада и рая, то откуда взяться понятиям о праведности?

- Вот видишь, Шломо, какие беды влечет за собой бессмертие! – торжествуя воскликнул раби Яков, - нет у камней души, Бога не знают, о праведности слухом не слыхивали!

- Ах, Яков, зачем чужие беды перемалывать, коли своих девать некуда! – возразила мужу Голда, - пусть лучше Шломо продолжит о завидном!

- Я готов! – воскликнул Шломо, - итак, бессмертным камням нечего бояться старости, слабости, болезней. У них не пропадет аппетит, не выпадут зубы, не облысеет голова. Они не теряют умения радоваться жизни и не боятся необратимых утрат.

Как прозвучали слова эти, раби Яков уставился в окно застывшим взглядом, а Голда провела платком по глазам. Потом погладила морщинистую руку мужа, а тот благодарно посмотрел на престарелую спутницу жизни и протяжно вздохнул.

3

- Чему еще мы можем позавидовать? – спросила Голда, стараясь спрятать грусть за бодростью голоса.

- Не только рабства, но и неравноправия не знают камни. Они не владеют имуществом, и потому нет среди них ни бедных ни богатых, ни слуг ни господ. Им чуждо стяжание, а гонор толстосумов и униженность неимущих незнакомы им. Все их богатство духовного свойства, и растет оно год от года с бесконечных в прошлом времен. Равенство царит в царстве без царя!

- “Богатство их чисто духовное, и растет оно с незапамятных времен”, - повторил цадик мысль рассказчика, - все-таки я решусь утверждать: камни - это немые прашуры духа! – восхищенно воскликнул раби Яков, повторив придуманное им накануне выражение.

- Нет богатых и бедных, никто никого не угнетает, и все равны! – вскричал в восторге Шмулик, - не об этом ли писали пророки наши! Значит, мечты их – не воздушные замки, а абсолютная реальность! Жаль, что столь совершенное устройство бытия пока существует только в мире камней!

- Дорогой Шломо, - с нежностью произнесла Голда, - чувства и дела житейские говорят моему женскому сердцу куда как больше мужской книжности и умствования. Раскрой пошире двери в повседневность каменной жизни!

Раби Яков и Шмулик одобрительно закивали головами и приготовились слушать.

- Постараюсь, Голда. Начну с того, что у камней существуют цели и стремления. Им известны нетелесного свойства удовольствия, удачи, горести, счастье. Единственный источник всех тревог и радостей каменных сердец – мысли. Свои и чужие. Камни любят выделяться среди собратьев: кто больше знает, чьи думы глубже, кому доверяют и так далее. Возникает умственная иерархия, и следствие ее – почет одним и малость уважения другим. Честолюбия и тщеславия вовсе не лишена эта братия.

- Одиночество – несчастье камня, ибо слишком большое расстояние до соплеменников не позволяет обмена мыслями, - продолжил Шломо, - а ведь своей волей бедный отщепенец ничего не изменит. Зато камни, что уложены в кладку стен, домов, дворцов, крепостей пребывают в гуще мыслей своих собратьев и людей и благодарны судьбе.

- Хочу обратить внимание моих слушателей на одно важное обстоятельство. Камни не всегда благонамеренны, но причинить друг другу телесный вред не способны, да и вообще, возможности их творить зло весьма ограничены. У людей жизнь сложнее. Они сперва воздвигают громады зла, а потом лицемерно корят и прощают себя. И то и другое они вершат сообразно естеству своему. Отсюда видно, что камням живется легче, чем людям, поэтому вторые имеют основания завидовать природе первых.

Тотальное обвинение человеческого рода в порочности вызвало неодобрение раби Якова, и он уж открыл рот, дабы осадить ученика, но Голда опередила мужа.

- А теперь хотелось бы услышать, как живут семьи каменного племени, - проговорила жена цадика.

- Я расскажу. Как вам уже известно, в мире камней не существует полов. Семья слагается из поколений. Под действием внешних сил от крупных камней откалываются мелкие части. Большие камни – это “взрослые”, а маленькие – “дети”. Разумеется, такое деление условно, ведь камни не способны расти, и поэтому, когда “дети” оперятся, из них выйдут “взрослые” малого размера.

- Позволь, Шломо, - прервал рассказчика Шмулик, - ведь камни вечны, выходит, взрослые и дети – все одного возраста? В чем разница меж ними, и что значит “дети оперятся”?

- Великолепные вопросы и в самую точку! – воскликнул Шломо, радостно потирая руки, - дело в том, Шмулик, что в мире камней мерилом зрелости служит богатство мыслей, а не прожитые годы. Откалываясь, частица уносит с собой лишь малую толику знаний. Одно слово – ребенок. Читая мысли взрослых, дети развивают свой ум, иначе говоря – оперятся.

- Однако, Шломо, - подал голос цадик, - ежели не случилось крупному каменичке потерять, скажем, бок – ведь землетрясения, извержения и прочие детородные катаклизмы редки, а сам камень ничего поделывать ни с собой ни с соседом не может – стало быть, такому бедолаге суждено бобылем век коротать?

- Вовсе нет, раби! Ты коснулся весьма чувствительной струны каменного душевного склада, - заметил Шломо, - дело в том, что, как ты выражаешься, бок, отколовшийся от каменички,

отнюдь не является потомком последней, он только пополняет детские отряды. Увы, встречается беспризорщина в среде камней. С другой стороны, всякий камень, желающий стать родителем, легко найдет себе неприкаянное дитя. У кого семеро по лавкам, те чувствуют себя счастливее малодетных и бездетных и тщеславятся перед себялюбивыми собратьями. Хотите знать, каков краугольный камень каменной семьи? Вот он: лишь узы духа существуют, но не крови. Воспитал ребенка – и он твой! По существу, все камни – приемыши.

- Какое удручающее равенство! – заметил цадик.

- Шломо, вчера ты утверждал, что камням введома любовь, хоть все они одного пола, - воскликнула Голда, - сегодня мы узнали, что и дети у них не свои, а приемные. Откуда же любви-то взяться?

- От дум, Голда! – опередил рассказчика Шмулик, - разве худо дополнить избитое свежим? Не будем останавливаться на полпути! Мы согласились, что камни мыслят, отчего не признать мысли источником любви?

- Уж больно ты резвый! – неодобрительно заметила супруга раби Якова.

4

На некоторое время возникла пауза. Казалось, Шломо хотел что-то добавить, но не был уверен придется ли слова к месту. Наконец, решился.

- Спасибо Шмулику за помощь, - сказал Шломо, - пожалуй, я расскажу историю одной семьи. Впрочем, я не уверен, что перипетии бытия камней можно называть историей, ведь таковая должна иметь начало и конец, а в жизни камней нет ни того, ни другого...

- Красноречивое предисловие. Переходи к сути! – проявил нетерпение раби Яков.

- Некий камень воспитывал чадо, - начал Шломо, - и весьма гордился плодами своих умственных трудов. Дитя училось у него. Быстро и успешно. Вместе обсуждали мысли друг друга. Все больше схожими становились думы малого и большого, и последний был счастлив и обожал осколок. И так продолжалось долго и было радостно обоим. Можно ли это назвать любовью, Голда?

- Не знаю, пока, - со смутной тревогой ответила Голда, - продолжай.

- Увы, расстроилось дело, наступило охлаждение. Родитель и дитя перестали мыслить в унисон. Они по-прежнему находились на своих обычных местах, но понимать друг друга стали плохо, словно отделились в пространстве, или сила мыслей их ослабла. И в один ужасный день чадо прекратило посылать свои и принимать чужие сигналы.

- Умер ребенок! – вскрикнула Голда.

- Камни не умирают, но ребенок был потерян. Родитель терзался, свою вину подозревая. Начал думать, мол, небрежением отвечал мыслям дитяти, не разглядел, что оно на особицу! - с горечью промолвил Шломо.

- Но ведь камни живут вечно, значит, была надежда! – спохватилась Голда.

- В том-то и дело! Лишь в мире бессмертия не случается необратимое! - проговорил Шломо, и лицо его помрачнело, и глаза увлажнились, и голова поникла, и борода легла на грудь.

- Мы знаем о горе твоем и муках твоих, - сказал раби Яков и сжал рукою своею руку Шломо, - скорбим с тобою заодно.

- Спасибо, учитель. Да только проку от скорби – ничуть...

- Выпей-ка, затумань душу, - воскликнула Голда и поднесла Шломо большую чарку водки и кус хлеба.

Шломо одним духом опорожнил посудину, откусил от ломтя. Все молчали.

- Голда, - заговорил Шломо, - в день первый ты спросила, откуда я добыл мои небылицы, а я пообещал ответить и вот я готов...

- Молчи, Шломо, я все поняла сама: ты фантазер и только.

- Пусть так, Голда. Я учреждаю мир лучше нашего, в котором меньше зла, а несчастье обратимо. Вот и всё.

- Э-э-э, а я-то думал... - разочарованно протянул Шмулик.

- Шломо, ты не Бог, чтоб новый мир учреждать! А человеку-то и старый улучшить не под силу... - со вздохом заметил цадик.

- Яков, довольно! – прикрикнула на мужа Голда, - помоги мне, Шмулик, вынуть противень из печи. Сегодня на ужин запеканка из репы!

Обложка: древняя терракотовая фигурка мыслителя, найдена при археологических раскопках в районе Балкан.